

ТОТЕМЫ-БЕРЕГИНИ В ЯЗЫЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Аннотация: В исследовании представлена историческая реконструкция верований и представлений восточных славян, связанных с тотемными животными. Основываясь на материалах древнерусских письменных источников и данных археологии, последовательно проведен анализ древнерусских языческих культов медведя, бобра, лошади, петуха. По мнению автора, наши предки видели в данных животных своих зооморфных предков-берегинь.

Ключевые слова: тотемистические культы, верования, представления, берегини, зооморфные предки, проводники в загробный мир.

В комплексе древних религиозных представлений восточных славян существовал чрезвычайно архаический слой, возникший еще в отдаленную эпоху истории человечества — вера во всеобщую одухотворенность окружающей природы. В сознании наших предков родовой эпохи окружающая природа воспринималась как часть сакральной родовой общины. Так, например, земля вокруг родового поселения, огонь, вода в колодцах воспринимались как место пребывания тотемных зверей и умерших предков. Другая же часть окружающей природы — лес, море,

реки, озера и болота считались местом пребывания враждебных «чужих» духов, опасных для человека. Таким образом, в сознании наших предков-язычников весь окружающий мир был населен доброжелательными и вредоносными духами — берегинями и упырями.

Вероятно, племенные и общенациональные тотемистические культы возникли у восточных славян на основе архаичных представлений о сверхъестественном единстве людей с окружающей природой — животными, деревьями и птицами и сложились еще в родовую эпоху. С верой в таинственных предков — прародителей у восточных славян был связан целый ряд тотемистических культов, в частности почитание медведей, бобров, туров, лошадей, хищных птиц, петухов.

Тотемистические представления восточных славян неоднократно становились объектами изучения в трудах отечественных ученых. Однако в данных исследованиях рассматривались либо теоретические аспекты тотемизма в целом, либо анализировались культы нескольких тотемных животных¹.

¹ *Бибалаева Л. Н.* О влиянии тотемизма на религиозные представления древних славян // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.

Между тем, без детальной реконструкции языческих представлений восточных славян о тотемных животных в целом полноценно изучить древнерусскую культуру дохристианской эпохи практически невозможно. Историческая реконструкция верований и представлений восточных славян, связанных с тотемными животными — берегинями — основная цель данной статьи.

В гуманитарной науке до сих пор не существует однозначной теории относительно происхождения и идейной сущности тотемистических верований древних сообществ. Например, Джеймс Джордж Фрезер видел первоисточник возникновения тотемистических верований в земледельческих культах аграрных божеств².

Основатель структурного анализа К. Леви-Стросс считал, что в тотемизме прежде всего нужно видеть продолжение культа предков³.

Схожей точки зрения придерживаются современные отечественные ученые С. Н. Волков и С. Е. Кузина, по мнению которых в сознании наших предков тотем,

в первую очередь, считался предком-покровителем и заступником⁴.

По мнению Е. Дюркгейма, тотем — это элементарная форма божества и символ первобытного клана, в его лице клан чтит самого себя. Бог клана, тотемистический предок, не может быть ничем другим как самим кланом, но гипертрофированным, представленным в изображениях под чувственными видами растения или животного, служащего тотемом⁵.

Наиболее соответствует письменным и археологическим данным интерпретация тотемизма, предложенная Зигмундом Фрейдом, согласно которой тотем — это животное, мясо которого поедается общиной или запрещено в пищу, безвредное или опасное, внушающее страх и находящееся в определенных отношениях со всем родом. Тотем, во-первых, является зооморфным предком общины, а также ангелом-хранителем и помощником; он предсказывает будущее и охраняет своих потомков, даже если он опасен для других. Лица одного тотема связаны священным обязательством не убивать (или убивать) своего тотема и воздерживаться от употребления его мяса (или наоборот обязаны поедать его мясо). Признак тотема не связан с отдельным животным или отдельным существом, но связан со всеми индивидами этого рода. Время от времени устраиваются праздники, на которых лица одного тотема в церемониальных танцах изображают или подражают движениям своего тотема. Тотем передается по наследству по материнской

Э. Баумана. Т. 204. 2010. С. 32–35; Волков С. Н., Кузина С. Е. Тотемизм как форма эзотерических верований и способ существования // Социологические исследования. № 9 (305). 2009. С. 103–107; Мозоль Е. В. Сравнительный анализ культов волка и медведя в древнерусской языческой традиции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 63–1. 2008. С. 210–213; Марус Р. Культ медведя у восточных славян // Россия и АТР. № 3 (41). 2003. С. 96–100; Тянина Е. Л. Медвежий культ в средневековом Новгороде в контексте религиозного почитания медведя в северной Евразии // Археология севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований. Сургут, 2018. С. 304–311.

² Фрезер Д. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М., 1983. С. 418–498.

³ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 142–143.

⁴ Волков С. Н., Кузина С. Е. Тотемизм как форма эзотерических верований и способ существования. С. 107.

⁵ Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. 1912. P. 128.

или отцовской линии. Принадлежность к тотему лежит в основе всех социальных обязательств первобытных людей; с одной стороны, она выходит за границы принадлежности к одному племени, а с другой стороны, отодвигает на задний план кровное родство⁶.

Как свидетельствует целый ряд письменных источников, в архаическом мировоззрении восточных славян действительно прослеживается несколько характерных направлений в представлениях о тотемах. Некоторых из тотемных животных, видимо, считали предками-хранителями. Они считались членами одного с людьми сакрального Рода, таким образом, их убийство приравнивается к убийству сородича, а поедание их мяса — к каннибализму. В связи со всеми этими представлениями мясо и шкура тотемов-хранителей считались табу у восточных славян.

Первопредками — тотемами, очевидно, восточные славяне считали медведей, лошадей, бобров и некоторых птиц. Так, во всех областях восточнославянского мира была распространена вера в дедушку-медведя, который в народном сознании считался предком-хранителем.

Даже в раннехристианскую эпоху сохранилось табу на употребление в пищу его мяса. Так, в «Послании Феодосия Печерского к князю Изяславу о вере варяжской» — источнике XI в. — автор с большим негодованием предьявляет обвинение латинянам в том, что они едят «удавленину, мертвечину и медвежину»⁷.

⁶ Фрейд З. Тотемы и табу // Зигмунд Фрейд. Я и Оно. Сочинения. М., 2002. С. 370–371.

⁷ Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви. Т. 2. СПб., 1868. С. 337.

Подобно мясу, табу у восточных славян язычников накладывалось и на шкуру косялого зверя. Так, в источнике XIII в., «Вопрошаниях Кирика», новгородский епископ позволяет носить медвежьей шкуру: «А пѣръть делячи, въ чомь хотяше ходити. Нетуть греха, хоч и в медведице»⁸.

О существовании в сознании восточных славян сакральной связи между медведями и потусторонним миром свидетельствует наличие в некоторых восточнославянских погребениях Северо-Восточной Руси остатков медвежьих лап или их глиняных муляжей. Подобные обереги встречаются в погребениях Приладожья, Подболотьевского могильника, костромских курганах, новгородских сопках⁹. Глиняные лапы и металлические кольца составляют основной инвентарь славянских захоронений Ярославских и Владимирских курганов X ст. По мнению И. В. Дубова, медвежьи лапы и металлические кольца представляли собой плату за покровительство бога смерти — медведя на пути в «подземный мир»¹⁰. Медвежьи когти, зубы и кости находят в значительном количестве также в новгородских сопках¹¹.

Почитание языческих божеств, генетически связанных с культом медведя, продолжалось в землях летописных тиверцев

⁸ Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чтения в Обществе Истории и древностей Российских при Императорском Московском университете. Т. 3. 1912. С. 387.

⁹ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1948. С. 127.

в Поднестровье вплоть до середины XII в. Так, при раскопках Екимауцкого городища исследователи обнаружили руины языческого святилища, разрушенного вместе с поселением в середине XII в. Внутри святилища исследователи обнаружили каменный идол в виде косолапого зверя и просверленные медвежьи клыки¹².

В народе запрет есть медвежатину сохранился вплоть до начала XX в. Медведь у восточных славян считался животным чистым, ведущим свое происхождение «от самого Бога». Его образ якобы не может принимать нечистая сила. Украинская легенда рассказывает о божественном происхождении медведя: «Сначала какой-то старый дед сделал человека богом, а потом медведем. Так медведи от людей и пошли плодиться от того человека, что был богом. Таким образом, первый медведь был богом»¹³.

Человеческое происхождение медведя отражено во многих восточнославянских поверьях. Считается, например, что под кожей медведь выглядит как человек: самец — как мужчина, а медведица — с грудью, как у женщины. Было принято считать, что у медведя человеческие глаза, ступни с пальцами, как руки и ноги человека. В некоторых местностях существует убеждение, что медведь понимает человеческую речь и даже сам иногда говорит; он постится весь Рождественский пост — сосет лапу в берлоге. Медведь и ведет себя как человек: умеет ходить на двух ногах,

любит плясать под музыку, умывается, радуется и горюет, любит своих детей. Медведи воруют женщин, приходящих в лес за ягодами, берут их в жены и даже имеют от них детей. Как и люди, медведи любят мед и водку¹⁴.

Вера в медведей как берегинь хорошо прослеживается на примере народных обрядов XIX — нач. XX ст. Так, например, чтобы усмирить лихого домового и предотвратить негативное влияние нечистой силы, крестьяне еще в нач. XX в. просили медвежьего поводыря обвести зверя кругом двора или обкуривали медвежьей шерстью дом и хлев. На конюшню вешали медвежью голову, будучи убежденными, что это защитит лошадей от проказ домового. Лихорадку лечили таким способом: клали больного лицом к земле и заставляли медведя перейти через него, так, чтобы зверь непременно коснулся его спины своей лапой¹⁵.

Еще в начале XIX века в крестьянской среде существовало поверье, согласно которому медведь якобы мог указать роженицам пол их будущего ребенка. В одном из сборников того времени находим следующее: «и чреватые женки ведмедеви хлеб дают из руки, если рыкнет — девица будет, а молчит — отрок будет»¹⁶.

Таким образом, можно предположить, что в медведях восточные славяне видели какого-то своего предка — берегиню,

¹² Федоров Г. Б. Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 143.

¹³ Иванов П. Из области малорусских народных легенд. Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда Харьковской // Этнографическое обозрение. № 2.1891. С. 132.

¹⁴ Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М., 2003. С. 108.

¹⁵ Сахаров И. П. Сказания русского народа. М., 1989. С. 55.

¹⁶ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Т. 1. М., 1865. С. 338–339.

враждебного «нечистой силе» и доброжелательного к своим потомкам — людям.

Помимо медведей, почитали, видимо, наши предки и бобров. Так, подобно медвежатице, мясо бобров было запрещено употреблять в пищу. По крайней мере в «Послании преподобного Феодосия Печерского к князю Изяславу о вере варяжской» и ряде других источников, осуждающих католическую веру, авторы обвиняют своих оппонентов-католиков в том, что они «ядят бобровину и хвост бобров»¹⁷.

Особенно возмущало авторов подобных источников то, что католики употребляли в пищу бобровину в постные дни, приравнивая ее к рыбе: «Попове их ядят в говение бобровину; глаголють бо, яко от воды есть и рыба всяка есть»¹⁸.

Скорее всего, табу на употребление в пищу бобровины, возникнув еще в языческую эпоху, сохранилось и после принятия восточными славянами христианства. На тот факт, что в древности восточные славяне почитали бобров, видя в них зооморфный образ какого-то бога, указывает и глосс к «Беседе Григория Богослова об идолах». Так, в данном источнике при перечислении всех языческих обычаев, широко распространенных у наших предков в XI в., находим следующее: «Ов реку богинею нарицает и зверь, живущий в ней яко бога нарицает»¹⁹. Единственным более-менее крупным зверем, как верно заметил Б. А. Рыбаков, в реках Древней Руси был

бобер²⁰. Таким образом, и речь в источнике, скорее всего, идет об этом животном.

В языческих курганах Северо-Восточной Руси исследователи часто фиксируют останки бобров²¹. Очевидно, подобно медведям, этих животных считали воплощением зооморфных предков и проводниками в царство мертвых.

У древних славян, особенно полабских, также четко просматривается тотемистический культ коня — берегини. Конь, видимо, у славянских народов считался олицетворением солнца и использовался часто в качестве оракула. Так, например, в «Жизнеописании» Оттона Бамберзского рассказывается о некоем священном коне, с помощью которого одно из славянских племен якобы узнавало волю своих богов. Если это племя готовилось к вооруженному походу, то священное животное проводили сквозь ряд копий и, судя по его поведению, предсказывали последующие события²².

По словам Саксона Грамматика, священные лошади являлись олицетворением древнеславянского бога Святовиды и почитались многими местными племенами на острове Рюген²³.

Гадание по поведению лошадей было известно и другим славянским народам. У чехов сохранилось предание: когда отправлены были послы искать жениха для княжны Любуши, то белый конь привел

¹⁷ Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви. Т. 2. С. 337.

¹⁸ Там же. С. 339–340.

¹⁹ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 93–94.

²⁰ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 213.

²¹ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 26; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. С. 127.

²² Котляревский А. А. Погребальные обычаи древних славян. СПб., 1893. С. 358.

²³ Sakso Grammatikus. Historia Danica. Vol. 1. Havniae, 1839. P. 44–45.

их к пахарю Премыслу, пал перед ним на землю и своим ржанием указал на будущего властителя чешского народа²⁴.

Лошади, с помощью которых узнавали волю богов, видимо, считались у древних славян священными. Согласно сообщениям Аль-Масуди, у южных славян существовали особые лошади, которых использовались лишь во время военных походов, а в другое время они свободно паслись на лугах. Если кто-то садился на такого коня в мирное время, то его немедленно убивали²⁵.

Подобные священные кони, по-видимому, содержались и при древнерусских храмах. Так, в городище-святилище Звенигород в наземном сооружении № 13, находящемся в сакральной части святилища, были найдены предметы снаряжения коня и ухода за ним (удила, остатки узды, скребница)²⁶.

Языческое святилище, посвященное какому-то языческому божеству, генетически связанному с культом лошади-тотема, существовало в языческую эпоху у славян Боршевской культуры. Так, у селения Нижний Воргол Елецкого района Липецкой области было обнаружено святилище IX–XI вв. Длина площадки около 12 м, ширина 6 м. В центре площадки находилась яма диаметром 50 см, глубиной около 40 см. Возле ямы лежала часть скелета лошади, среди костей найдено три железных наконечника стрел. Площадка была окружена высоким валом. В валу была выкопана яма округлой формы, на дне

²⁴ Козьма Пражский. Чешская хроника. Пер. Г. Э. Санчука. М., 1962. С. 9.

²⁵ Котляревский. А. А. Указанное сочинение. С. 79.

²⁶ Тимощук Б. А., Русанова И. П. Языческие святилища древних славян. М., 2007. С. 90.

которой находился слой золы, здесь лежала голова лошади, возле нее 94 астрагала (из них 37 просверленных) и фрагменты от двух сосудов боршевского типа²⁷.

Есть основания утверждать, что у древних руссов существовал запрет на употребление в пищу мяса лошадей, сохранившийся в полной мере и в раннехристианский период. По крайней мере, в «Уставе князя Ярослава Мудрого» предусмотрено наказание за употребление в пищу «кобылины»²⁸. Феодосий Печерский в одном из своих посланий с глубоким возмущением обвиняет латинян в том, что они едят всё нечистое, в том числе и мясо лошадей²⁹.

Табу на употребление в пищу мяса лошадей возникло у наших предков, вероятно, еще в праславянскую эпоху. Так, в хозяйственных ямах поселений черняховской археологической культуры кости лошадей исследователи фиксируют в единичных случаях, тогда как остатки крупного рогатого скота и свиней составляют до 90 процентов всего остеологического материала³⁰. Ничтожно малое количество костей лошадей фиксируется исследователями и среди остеологического материала славянских поселений второй половины I тыс. н.э.³¹

²⁷ Москаленко А. Н. Святилище на реке Воргол // Советская археология. № 2. 1966. С. 203–209.

²⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / под ред. Я. Н. Щапова. М., 1976. С. 89.

²⁹ Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви. Т. 2. С. 337.

³⁰ Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники нижнего Поднепровья как памятники социальной истории // Советская археология. № 3. 1979. С. 81.

³¹ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром та Прип'яттю. Київ, 1972. С. 73; Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. Київ, 1980. С. 52–53.

Конь зафиксирован у восточных славян также и в качестве строительной жертвы. Во время раскопок древнего Новгорода были обнаружены конские черепа в основании целого ряда срубов, датируемых X–XIV вв.³² Череп коня был найден также археологами в фундаменте древнерусского срубного жилища XI–XII вв. в Киеве на Ярославском проспекте³³. Очевидно, наши предки использовали лошадиные черепа при строительстве жилищ для того, чтобы обеспечить свои новые дома защитой предков-покровителей.

Отражением языческого представления о волшебном коне-берегине стали некоторые народные обычаи, сохранившиеся почти до нач. XX ст. Так, во многих областях восточнославянского мира существовал обычай бросать лошадиные головы в костры в день святого Иоанна Предтечи, а также в воду в жертву водяному³⁴.

Даже христианские летописцы верили в то, что по поведению лошадей можно было предсказать будущее. Так, в Лаврентьевской летописи сообщается о том, что перед гибелью князя Глеба Владимировича его конь «поскользнулся в рове и надломи ногу», и это знамение, по словам автора летописи, было «не на добро»³⁵. Отголоски подобных верований находим

и в Галицко-Волынской летописи. Согласно данному источнику, незадолго до смерти князя Даниила Романовича во время военных учений под ним «падесея конь»³⁶.

Если лошади фыркают в дороге, то, по мнению белорусов, это предсказывает успех и радостную встречу по приезде. У лужичан девица, желающая узнать, выйдет ли она в течение года замуж, отправляется в полночь к дверям конюшни и, если услышит там лошадиное ржание, принимает это за добрый знак. На Руси существовала поговорка: «конь ржет — к радости, ногою топает — к хорошей погоде»³⁷.

Среди восточных славян была распространена вера в то, что лошадь — предок сопровождает умерших в загробный мир. Курганы с останками лошадей зафиксированы археологами в восточной части Новгородской области, а также Ярославской, Владимирской областях, в юго-восточном Приладожье³⁸. Особенно характерен был данный обряд погребения для некрополей древнерусских городов XI–X вв.: Киева, Новгорода, Ярославля, Чернигова, Смоленска и т. д., а также могильников, расположенных вблизи данных племенных центров³⁹. Интересно, что останки лошади чаще всего фиксируют в погребениях мужчин⁴⁰.

³² Байбурич А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 61.

³³ Зоценко В. М., Тараненко С. П. Дослідження у Києві по Ярославському пров. 1/3 у 2008 році // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, 2010. С. 158.

³⁴ Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.-Л., 1937. С. 65.

³⁵ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. М., 1962. С. 135.

³⁶ ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская и Галицко-Волынская летописи. М., 1962. С. 801.

³⁷ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 312.

³⁸ Голубева Л. А. Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII–XI вв. // Советская археология. № 4. 1981. С. 87.

³⁹ Жарнов Ю. Е. Животные в погребальном обряде // Советская археология. № 2. 1991. С. 77–83.

⁴⁰ Седов В. В. Следы восточнославянского погребального обряда в курганах древней Руси // Советская археология.

Археологические данные находят подтверждение со стороны письменных источников. Так, в «Житие Константина Муромского» неизвестный автор, например, с возмущением пишет о том, что древние славяне «кони закалающей по мертвых»⁴¹.

В Поднестровье вплоть до начала XX в. было принято втыкать кобылью голову на плетень в огороде, «чтоб всё родило». Повсеместно у восточных славян был распространен обычай устанавливать на крыше деревянные изображения лошадей — так называемые коньки. В русских и украинских селах еще до недавнего времени коньки украшали не только кровли домов, но и размещались внутри изб около печи и по обеим сторонам божницы (полки в переднем углу, на которую ставили иконы)⁴². Довольно распространены были у наших предков амулеты — подвески в виде бронзовых гребней, украшенных миниатюрными головами коней, смотрящих в разные стороны⁴³.

Таким образом, конь в архаичном сознании наших предков считался тотемом-хранителем, одним из зооморфных образов предков — берегинь.

Почитали древние славяне и некоторых птиц. Так, тотемом-хранителем, очевидно, был петух. Образ петуха был связан с представлением о «границе времени», то есть символической черте между ночью

(миром мертвых) и днем (миром живых). Древнеславянское название петуха — «кур» звучит так же, как диалектное «кур» в значении «дым», «огонь» в современных Псковской и Тверской областях России. Украинское «кур» — «запах». Выражение «красный петух» означает огонь⁴⁴.

Согласно целому ряду письменных источников, в жертву упырям и берегиням, а позже и некоторым богам наши предки приносили именно кур. Так, в «Слове некоего Христолюбца» — источнике начала XII в., — в частности, находим следующее: «и вероють въ Пероуна и въ Хърса и въ Сима и въ Регла и коуры режутъ и огневи моляться же ся, зовуще его Сварожичем»⁴⁵.

Схожие обряды описал неизвестный автор славянской вставки к «Слову об идолах» Иоанна Златоуста: «А друзии (молятся) Перуну, Хоурсу и куры им режутъ»⁴⁶.

Сведения отечественных письменных источников согласуются с сообщениями иностранных авторов. Так, согласно данным Льва Диакона, воины князя Святослава Игоревича, совершив обряд кремации с телами погибших воинов и убитых пленных, задушили нескольких младенцев и петухов и утопили их тела в водах Истра⁴⁷.

Схожие данные подает Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей». Согласно

№ 2. 1961. С. 103.

⁴¹ Житие Константина Муромского // Памятники старинной русской литературы, изданные Н. И. Костомаровым. Т. 1. СПб., 1860. С. 231.

⁴² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 311.

⁴³ Рябинин Е. А. Языческие привески — амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 55.

⁴⁴ Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1971. С. 422.

⁴⁵ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. С. 374.

⁴⁶ Там же. С. 89.

⁴⁷ Лев Диакон. История. Прим. и пер. К. А. Осиповой. М., 1988. С. 78.

данному источнику, восточные славяне-язычники приносили в жертву священному дубу — олицетворению какого-то небесного бога — живых петухов на острове Хортица⁴⁸.

В Сербской Крайне сохранилось предание, в котором сообщается о некоем волшебном петухе-берегине, который создал всю землю: «в давние времена земля была пуста, ничего на ней не было — только камень. Это не понравилось богу, и он отправил туда своего петуха, чтобы он оплодотворил землю. Кочет сел в пещере и снес чудесное яйцо, из которого полились семь рек; они наводнили равнины, и вскоре всё кругом зазеленело, запестрело цветами и преисполнилось всяких плодов; без забот, счастливо жили в том раю люди. Высоко на небе сидел божий кочет и каждый день возглашал смертным, когда они должны пробуждаться от сна, когда трудиться и когда приступать к трапезе. Непрестанный крик петуха надоел наконец народу. «Мы сами знаем, когда и что нам делать!» — говорили люди и стали молить бога, чтобы освободил их от беспокойной птицы. И божий кочет исчез с неба, и нарушился прежний порядок жизни, настали болезни и насилия. Безумие овладело людьми, они пошли к чудесному яйцу и стали бросать в него камни и волшебный петух вернулся к людям»⁴⁹.

Очевидно, по языческим канонам мясо кур использовали в пищу только во время поминальных праздников. В другие дни употребление этих птиц было запрещено. Испанский автор арабского

происхождения Аль-Бекри сообщает в одном из своих произведений, что руссы боялись есть мясо курей, опасаясь вызвать гнев богов⁵⁰.

В языческую эпоху были известны специальные священные места, где восточные славяне поклонялись «священным петухам», которые якобы за это предупреждали своих «потомков» об опасности. Так, в Угличе, по преданию, находился «петушиный камень». Он располагался возле церкви Николая Чудотворца на Петушиной улице. Камень имел размеры 8×4 м. На нем были видны два птичьих следа. По преданию, на камне иногда в полночь появлялся петух и своим пением предвещал какое-нибудь несчастье. Накануне гибели царевича Дмитрия, перед изгнанием местных горожан в Сибирь, перед нашествием поляков он троекратно пел⁵¹.

Довольно интересная сложная скульптурная композиция дохристианской эпохи была найдена на берегу реки Буж (Буш). На камне пещеры обнаружили барельефное изображение мужчины, молящегося перед священным деревом, на котором сидит петух⁵².

Еще в XVIII веке в Древене было принято в день святого Иоанна ставить специальное «петушиное дерево». Ставили его обычно женщины, на верхушку прикрепляли мертвого петуха. В Иванов день под руководством местного старосты вокруг дерева крестьяне водили хороводы,

⁴⁸ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Пер. С.П. Кондратьева. М., 1989. С. 49.

⁴⁹ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 258–259.

⁵⁰ Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб., 1878. С. 54.

⁵¹ *Дубов И.В.* Новые источники по истории Древней Руси. С. 105.

⁵² *Гордиенко Н.С.* Крещение Руси: факты против легенд и мифов. Л., 1986. С. 38.

гоняли скот, пьянствовали. В последующие дни к дереву подходил один из местных стариков, который, став на колени, проводил какие-то языческие обряды⁵³.

Ю. А. Жарнов, проанализировав случаи фиксации костей кур в языческих погребениях восточных славян-язычников, обратил внимание исследователей на тот факт, что куриные кости вместе с останками лошадей и собак фиксируются археологами в мужских, дружинных захоронениях. По мнению ученого, петух в сознании древних славян считался мужским тотемом⁵⁴.

Неслучайно воины князя Святослава, по данным Льва Диакона, приносили в жертву петухов после захоронения погибших в битве под Доростолом⁵⁵. По мнению И. К. Дуйчева, жертвенные птицы должны были стать символом будущего возрождения погибших воинов⁵⁶.

Как рецидив кремации обычай класть в могилы куриные тушки сохранился до XIX века в некоторых районах России⁵⁷. Подобный обычай был зафиксирован также в нескольких районах Чехии и Польши⁵⁸.

В селах Восточной Болгарии, вокруг Варны и Бургаса, до нашего времени

20 января (или 2 февраля) отмечают особый семейный праздник — «Петльовден». Этот день был посвящен здоровью детей, но только мальчиков, и называется мужским праздником. Центральным обрядовым действием, совершаемым на празднике, было приношение в жертву петуха (в некоторых поселениях — только черного цвета), мясо которого коллективно употребляли в пищу. Это жертвоприношение сопровождалось особым церемониалом⁵⁹.

В народных представлениях петухи как олицетворение огня имеют возможность очищать человеческое жилье и некоторые вещи от враждебных людям сил. До нашего времени дошел обычай в некоторых районах Украины и России выносить белье и одежду недавно умершего человека в курятник, чтобы петухи очистили их от нечистой силы. Хорошим средством защитить будущий дом от негативного влияния считалась у жителей Курской области и Белоруссии голова петуха, положенная в фундамент здания⁶⁰.

Таким образом, возможно, наши предки как в языческую, так и раннехристианскую эпоху почитали петуха, считая его мужским тотемом, своим зооморфным предком.

С культом предков, очевидно, вообще было связано почитание всех птиц. У восточных славян, как и у многих соседних народов, была распространена вера в то, что души умерших людей, как своих «хранителей», так и чужих «упырей», превращались в птиц. Неслучайно

⁵³ Касторский М. Начертания славянской мифологии. СПб., 1841. С. 156.

⁵⁴ Жарнов Ю. А. Животные в погребальном обряде курганов периодов становления древнерусского государства. С. 84–85.

⁵⁵ Лев Диакон. История. С. 78.

⁵⁶ Дуйчев И. К. К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси // Культурное наследие Древней Руси. М., 1966. С. 72.

⁵⁷ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 345–346.

⁵⁸ Witczak Krzysztof Tomasz. Ze studiow nad religia praslowian. Warszawa, 1993. S. 56, 151.

⁵⁹ Дуйчев И. К. К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси. С. 72.

⁶⁰ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 315, 349.

автор «Радзивиловской» летописи изобразил мертвецов — «навьев, избивающих полочан», в виде антропоморфных демонов с крыльями и птичьим перьями⁶¹. Автор восточнославянского глосса к «Слову Иоанна Златоуста об идолах» сообщает о том, что «навьи», прилетающие к своим потомкам в поминальные дни париться в бане, оставляли на золе птичьи следы⁶².

В сознании наших предков души умерших знали то, что было скрыто от людей, и поэтому восточные славяне часто наблюдали за птицами, пытаясь предсказывать свое будущее. Митрополит Кирилл II уже в XIII веке в одном из своих произведений жаловался на то, что его паства «верует в поткы и в датля, и в вороны, и в синици когда где хочешь пойти, которая попереди поиграеть, по станешь послушающе, правая или левая, ли да еще ны поиграешь по нашей мысли то мы не себе глаголеше, добро ны потка си, добро ны кажешь, ркуще окаянныи, а когда ны будеть пойти на долгый вон путь, мы послушаемь потке»⁶³.

Впрочем, и сами христианские авторы верили в то, что птицы-предки могли предсказывать будущее. Так, автор Лаврентьевской летописи сообщает, что «знаменья бывають в небеси звездами и птицами»⁶⁴.

⁶¹ Фотомеханическое воспроизведение Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи. СПб., 1902. С. 97.

⁶² Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. С. 89.

⁶³ Описание рукописей Воскресенского первоклассного именуемого новый Иерусалим, монастыря, писанных на пергаменте и бумаге // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 8. Вып. 2. 1859. С. 142.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. С. 162.

В Тверской летописи под 1452 годом находим: «Был поток много свиристелей, по городу стада летали велики, садились по церквям и хоромам». Далее летописец объясняет эти чудеса тем, что в недалеком будущем тверской князь Дмитрий Шемяка должен был потерпеть поражение от московского князя Василия Васильевича и отдать свой город на разграбление⁶⁵.

О птицах, предсказателях будущего, сообщается и в «Слове о полку Игореве». Так, при перечислении всех плохих примет, предшествующих поражению новгород-северского князя Игоря Святославича, упоминаются и птицы: «Уже нещастья его подстерегають птицы по дубравам»⁶⁶. Среди амулетов — подвесок, зафиксированных при раскопках древнерусских поселений и погребений IX–XII вв., довольно распространены были амулеты-ключи, украшенные изображениями птиц⁶⁷.

Верования в птицу — душу предка, прилетающую к человеку перед его смертью, долгое время сохранялись во всем восточнославянском мире. В народном сознании крик ворона или филина на крыше чьего-то дома предвещает в этом доме покойника. Птиц, случайно залетевших в окна дома, особенно воробьев, воспринимали как предвестников смерти⁶⁸.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 1962. С. 494.

⁶⁶ Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800. С. 4.

⁶⁷ Рябинин Е. А. Языческие привески-амулеты Древней Руси. С. 55.

⁶⁸ Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М., 2003. С. 100.

Во время поминальных праздников еще в нач. XX в. во многих восточнославянских областях было принято рассыпать зерно на могилах или перекрестках дорог, чтобы накормить покойников — птиц⁶⁹.

В Белоруссии существовал обычай выпекать особое печенье в виде птиц, которое носило название жаворонки. Его пекла мать в день похорон своего ребенка. В Полесье до сих пор о какой-либо птице, летавшей по полю, говорили, что это «душа летит»⁷⁰.

Таким образом, у восточных славян в языческую эпоху было распространено

представление о том, что души умерших предков превращаются в птиц и могут в своем новом зооморфном обличье предсказывать будущее.

В целом же можно прийти к выводу, что в сознании восточных славян-язычников существовал широкий слой представлений о зооморфных предках — берегинях. Медведей, бобров, лошадей и птиц наши предки считали тотемами-хранителями и предками людей. Они якобы должны были защищать своих антропоморфных потомков от нечистой силы. Звери-тотемы приравнивались к сородичам, в связи с этим их мясо было запрещено употреблять в пищу.

⁶⁹ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 357.

⁷⁰ Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. С. 482.

Библиография

Источники:

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Под. редакций Я. Н. Щапова. М., 1976.

Жизнеописание Оттона Бамберзского // А. А. Котляревский. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 3. СПб., 1893.

Житие Константина Муромского // Памятники старинной русской литературы, изданные Н. И. Костомаровым. Т. 1. СПб., 1860.

Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб., 1878.

Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800.

Козьма Пражский. Чешская хроника. Пер. Г. Э. Санчука. М., 1962.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1989.

Лев Диакон. История. Примечания и перевод К. А. Осиповой. М., 1988.

Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чтения в Обществе Истории и древностей Российских при Императорском Московском университете. Т. 3. 1912.

Описание рукописей Воскресенского первоклассного именуемого новый Иерусалим, монастыря, писанных на пергаменте и бумаге // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. 8. Вып. 2. 1859.

ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. М., 1962.

- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская и Галицко-Волынская летописи. М., 1962.
- ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. М., 1962.
- Фотомеханическое воспроизведение Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи. СПб., 1902.
- Sakso Grammatikus*. Historia Danica. Havniae. T. 1. 1839.
- Литература:**
- Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865.
- Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром та Прип'яттю. Київ, 1972.
- Бибалаева Л. Н.* О влиянии тотемизма на религиозные представления древних славян // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана. Т. 204. 2010.
- Волков С. Н., Кузина С. Е.* Тотемизм как форма эзотерических верований и способ существования // Социологические исследования. № 9 (305). 2009.
- Голубева Л. А.* Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII–XI вв. // Советская археология. № 4. 1981.
- Гордиенко Н. С.* Крещение Руси: факты против легенд и мифов. Л., 1986.
- Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М., 2003.
- Дубов И. В.* Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.
- Дуйчев И. К.* К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси // Культурное наследие Древней Руси. М., 1966.
- Жарнов М. Э.* Животные в погребальном обряде курганов периодов становления древнерусского государства // Советская археология. № 2. 1991.
- Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.-Л., 1937.
- Зоценко В. М., Тараненко В. М.* Дослідження у Києві по Ярославському пров. 1/3 у 2008 році // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, 2010.
- Иванов П.* Из области малорусских народных легенд. Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда Харьковской губернии // Этнографическое обозрение. № 2. 1891.
- Касторский М.* Начертания славянской мифологии. СПб., 1841.
- Котляревский А. А.* Погребальные обычаи древних славян. СПб., 1893.
- Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
- Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. М., 2003.
- Макарий (архиепископ Харьковский)* // История русской церкви. Т. 2. СПб., 1868
- Марус Р.* Культ медведя у восточных славян // Россия и АТР. № 3 (41). 2003.
- Мозоль Е. В.* Сравнительный анализ культов волка и медведя в древнерусской языческой традиции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 63–1. 2008.

- Москаленко А. Н.* Святилище на реке Воргол // Советская археология. № 2. 1966.
- Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. Київ, 1980.
- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рябинин Е. А.* Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Сахаров И. П.* Сказания русского народа. М., 1989.
- Седов В. В.* Следы восточнославянского погребального обряда в курганах древней Руси // Советская археология. № 2. 1961.
- Тимошук Б. А., Русанова И. П.* Языческие святилища древних славян. М., 2007.
- Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1948.
- Тянина Е. Л.* Медвежий культ в средневековом Новгороде в контексте религиозного почитания медведя в северной Евразии // Археология севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований. Сургут, 2018.
- Фасмер Макс.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1971.
- Федоров Г. Б.* Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953.
- Фрезер Д.* Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М., 1983.
- Фрейд З.* Тотемы и табу // Зигмунд Фрейд. Я и Оно. Сочинения. М., 2002.
- Хлобыстина М. Д.* Древнейшие могильники нижнего Поднепровья как памятники социальной истории // Советская археология. № 3. 1979
- Witczak Krzysztof Tomasz.* Ze studiow nad religia praslowian. Warszawa, 1993.
- Durkheim E.* Les formes elementaires de la vie religieuse. Paris, 1912.

Сведения об авторе

Козлов Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры «История» Севастопольского государственного университета. Область научных интересов: восточнославянское язычество, христианизация Руси.

E-mail: kmn_75@mail.ru.

M. N. Kozlov

TOTEMS («BEREGINI») IN THE PAGAN CONSCIOUSNESS OF THE EASTERN SLAVS

Annotation: The study presents a historical reconstruction of the beliefs and ideas of the Eastern Slavs associated with totem animals. Based on the materials of ancient Russian written sources and archeological data, the analysis of the ancient Russian pagan cults of the

bear, beaver, horse, and rooster was carried out in succession. According to the author, our ancestors saw in these animals their zoomorphic ancestors — «beregini».

Key words: totemistic cults, beliefs, ideas, «beregini», zoomorphic ancestors, guides to the afterlife.

References

Sources:

Drevnerusskie knyazheskie ustavy. [Old Russian Princely Charters of the XI–XV centuries]. Pod. redaktsiei Ya. N. Shapova, Moscow, 1976. (In Russian).

Zhizneopisaniya Ottona Bamberzskogo [Biography of Otto of Bamber] // A. A. Kotlyarevskii. Sobranie sochinenii: V 3-h t. Vol. 3. St. Petersburg, 1893. (In Russian).

Zhitie Konstantina Muromskogo [Life of Konstantin Muromsky] // Pamyatniki starinnoi russkoi literatury, izdannye N. I. Kostomarovym. Vol. 1. St. Petersburg, 1860. (In Russian).

Izvestiya Al'-Bekri i drugikh avtorov o Rusi i slavyanakh [News of Al-Bekri and other authors about Russia and the Slavs]. Vol. 1. St. Petersburg, 1878. (In Russian).

Ironicheskaya pesn' o pokhode na polovtsev udel'nogo knyazya Novgorod-Severskogo Igorya Svyatoslavicha [An ironic song about the campaign against the Polovtsy of the appanage prince of Novgorod-Seversky Igor Svyatoslavich]. Moscow, 1800. (In Russian).

Koz'ma Prazhskii. Cheshskaya khronika [Czech chronicle]. Per. G. E. Sanchuka, Moscow, 1962. (In Russian).

Konstantin Bagryanorodnyi. Ob upravlenii imperiei [About running an empire]. Per. S. P. Kondrat'eva. Moscow, 1989. (In Russian).

Lev Diakon. Istoriya [History]. Primechaniya i perevod K. A. Osipovoi, Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian).

Materialy dlya istorii drevnerusskoi pokayannoi distsipliny [Materials for the History of Ancient Russian Penitent Discipline]. // Chteniya v Obshchestve Istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Imperatorskom Moskovskom universitete. 1912. Vol. 3. (In Russian).

Opisanie rukopisei Voskresenskogo pervoklassnogo imenuemogo novyi Ierusalim, monastyrya, pisannykh na pergamente i bumage [Description of the manuscripts of the first-class Resurrection called New Jerusalem, the monastery, written on parchment and paper] // Izvestiya Imperatorskoi Akademii nauk po otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. Vol. 8. Iss. 2. 1859. (In Russian).

PSRL. Vol. 1: Lavrent'evskaya i Suzdal'skaya letopisi po Akademicheskomu spisku. Moscow, 1962. (In Russian).

PSRL. Vol. 2: Ipat'evskaya i Galicko-Volynskaya letopisi [PSRL–Vol. 2: Ipatiev and Galicia-Volyn Chronicles]. Moscow, 1962. (In Russian).

PSRL. Vol. 15: Letopisnyi sbornik imenuemyi Tverskoi letopis'yu. Moscow, 1962. (In Russian).

Fotomekhanicheskoe vosproizvedenie Radzivilovskoi (Kenigsbergskoi) letopisi [Photomechanical reproduction of the Radziwill (Konigsberg) Chronicle]. St. Petersburg, 1902. (In Russian).

Sakso Grammatikus. Historia Danica [Danish history]. Vol. 1. Havniae, 1839. (In German).

Researches:

Anichkov E. V. Yazychestvo i Drevnyaya Rus' [Paganism and Ancient Russia]. St. Petersburg, 1914. (In Russian).

Afanas'ev A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu [Poetic Views of the Slavs on Nature]. Vol. 1. Moscow, 1865. (In Russian).

Baiburin A. K. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs]. Leningrad, 1983, (In Russian).

Baran V. D. Ranni slov'yani mizh Dnistrom ta Prip'yattyu [Early Slavs between the Dniester and Pripyat]. Kiiv, 1972. (In Ukrainian).

Bibalaeva L. N. O vliyanii totemizma na religioznye predstavleniya drevnikh slavyan. [On the influence of totemism on the religious ideas of the ancient Slavs] // Uchenye zapiski Kazanskoi gosudarstvennoi akademii veterinarnoi meditsiny im. N. E. Baumana. Vol. 204. 2010. (In Russian).

Volkov S. N., Kuzina S. E. Totemizm kak forma ezotericheskikh verovaniy i sposob sushchestvovaniya [Totemism as a form of esoteric beliefs and a way of being] // Sotsiologicheskie issledovaniya Vol. 9 (305). 2009. (In Russian).

Golubeva L. A. Konskie pogrebeniya v kurganakh Severo-Vostochnoi Rusi VIII–XI vv. [Horse burials in the mounds of North-Eastern Russia VIII–XI centuries] // Sovetskaya arkheologiya. Vol. 4. 1981. (In Russian).

Gordienko N. S. Kreshchenie Rusi: fakty protiv legend i mifov [Baptism of Rus: facts against legends and myths], Leningrad, Lenizdat Publ., 1986, 286 p. (In Russian).

Dal' V. I. O pover'yakh, sueveriyakh i predrassudkakh russkogo naroda [About beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people], Moscow, EKSMO Publ., 2003, 733 p. (In Russian).

Dubov I. V. Novye istochniki po istorii Drevnei Rusi. [New Sources on the History of Ancient Russia]. Leningrad, Izd-vo LGU Publ., 1990, 176 p. (In Russian).

Duichev I. K. K voprosu o yazycheskikh zhertvoprinosheniyakh v Drevnei Rusi [On the issue of pagan sacrifices in ancient Russia] // Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi, Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 46–89. (In Russian).

Zharnov M. E. Zhivotnye v pogrebal'nom obryade kurganov periodov stanovleniya drevnerusskogo gosudarstva [Animals in the funeral rite of the mounds of the periods of the formation of the ancient Russian state] // Sovetskaya arkheologiya. Vol. 2. 1991. (In Russian).

Zelenin D. K. Vostochnoslavyanskaya etnografiya [East Slavic ethnography], Moscow, 1991. (In Russian).

Zelenin D. K. Totemy-derev'ya v skazaniyakh i obryadakh evropeiskikh narodov [Totem trees in legends and rituals of European peoples]. Moscow- Leningrad, 1937. (In Russian).

Zotsenko V. M., Taranenko V. M. Doslidzhennya u Kievi po Yaroslavs'komu prov.1/3 u 2008 rotsi [Research in Kiev on Yaroslavsky lane 1/3 in 2008 year] // Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2009 r. Kiiv, 2010. (In Ukrainian).

Ivanov P. Iz oblasti malorusskikh narodnykh legend. Materialy dlya kharakteristiki mirosozertsaniya krest'yanskogo naseleniya Kupyanskogo uezda Khar'kovskoi gubernii [From the region of Little Russian folk legends. Materials for characterizing the outlook of the peasant population of the Kupyansk district of the Kharkov province] // Etnograficheskoe obozrenie. No. 2. 1891. (In Russian).

Kastorskii M. Nachertaniya slavyanskoi mifologii [Inscriptions of Slavic mythology]. St. Petersburg, 1841. (In Russian).

Kotlyarevskii A. A. Pogrebal'nye obychai drevnikh slavyan [Funeral customs of the ancient Slavs], St. Petersburg, 1893. (In Russian).

Lévi-Strauss C. Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking], Moscow, 1994. (In Russian).

Levkievskaya E. E. Mify russkogo naroda [Myths of the Russian people]. Moscow, 2003. (In Russian).

Makarii (arkhiepiskop Khar'kovskii). Istoriya russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. Vol. 2, St. Petersburg, 1868. (In Russian).

Marus R. Kul't medvedya u vostochnykh slavyan [The cult of the bear among the eastern Slavs] // Rossiya i ATR. No. 3(41). 2003. (In Russian).

Mozol' E. V. Sravnitel'nyi analiz kul'tov volka i medvedya v drevnerusskoi yazycheskoi traditsii [Comparative analysis of the cults of the wolf and bear in the ancient Russian pagan tradition] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. No. 63–1. 2008. (In Russian).

Moskalenko A. N. Svyatilishche na reke Vorgol [Sanctuary on the Vorgol River] // Sovetskaya arkheologiya. No. 2. 1966. (In Russian).

Prikhodnyuk O. M. Arkheologichni pam'yatki Seredn'ogo Pridniprova VI–IX st. n. e. [Archaeological sites of the Middle Dnieper region of the VI–IX centuries], Kiiv, 1980. (In Ukrainian).

Rybakov B. A. Yazychestvo Drevnei Rusi [Paganism of Ancient Rus]. Moscow, 1987. (In Russian).

Ryabinin E. A. Yazycheskie priveski-amulety Drevnei Rusi [Pagan pendants-amulets of Ancient Russia] // Drevnosti slavyan i Rusi. Moscow, 1988. (In Russian).

Sakharov I. P. Skazaniya russkogo naroda [Tales of the Russian People], Moscow, 1989. (In Russian).

Sedov V. V. Sledy vostochnoslavyanskogo pogrebal'nogo obryada v kurganakh drevnei Rusi [Traces of the East Slavic burial rite in the mounds of ancient Russia] // Sovetskaya arkheologiya. No. 2. 1961. (In Russian).

Timoshchuk B. A., Rusanova I. P. Yazycheskie svyatilishcha drevnikh slavyan [Pagan sanctuaries of the Eastern Slavs]. Moscow, 2007. (In Russian).

Tret'yakov P. N. Vostochnoslavyanskije plemena [East Slavic Tribes], Moscow, 1948. (In Russian).

Tyanina E. L. Medvezhii kul't v srednevekovom Novgorode v kontekste religioznogo pochitaniya medvedya v severnoi Evrazii [Bear Cult in Medieval Novgorod in the Context of the Religious Veneration of the Bear in Northern Eurasia] // Arkheologiya severa Rossii:

Yugra — volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vv. Svod istochnikov i issledovaniy, Surgut, 2018. (In Russian).

Fasmer Maks. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language], Vol. 2. Moscow, 1971. (In Russian).

Fedorov G. B. Slavyane Podnestrov'ya [Slavs of the Dniester] // Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus', Moscow, Nauka Publ., 1953, pp. 121–154 (In Russian).

Frezer D. Zolotaya vetv'. Issledovaniya magii i religii [The golden bough. Studies in magic and religion]. Moscow, 1983. (In Russian).

Freud S. Totemy i tabu [Totems and taboos] // Sigmund Freud. Ya i Ono. Sochineniya, Moscow, 2002. (In Russian).

Khlobystina M. D. Drevneishie mogil'niki nizhnego Podneprov'ya kak pamyatniki sotsial'noi istorii [The oldest burial grounds of the lower Dnieper region as monuments of social history] // Sovetskaya arkheologiya. No. 3. 1979. (In Russian).

Witczak Krzyszof Tomasz. Ze studiow nad religia praslowian [From the history of the study of the religion of the Slavs], Warszawa, 1993. (In Polish).

Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse [Elementary forms of religious life], Paris, 1912. (In French).

About the author

Kozlov Mikhail N., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Sevastopol State University, Sevastopol (Russia).

E-mail: kmn_75@mail.ru